

Владлен Николаевич Белкин

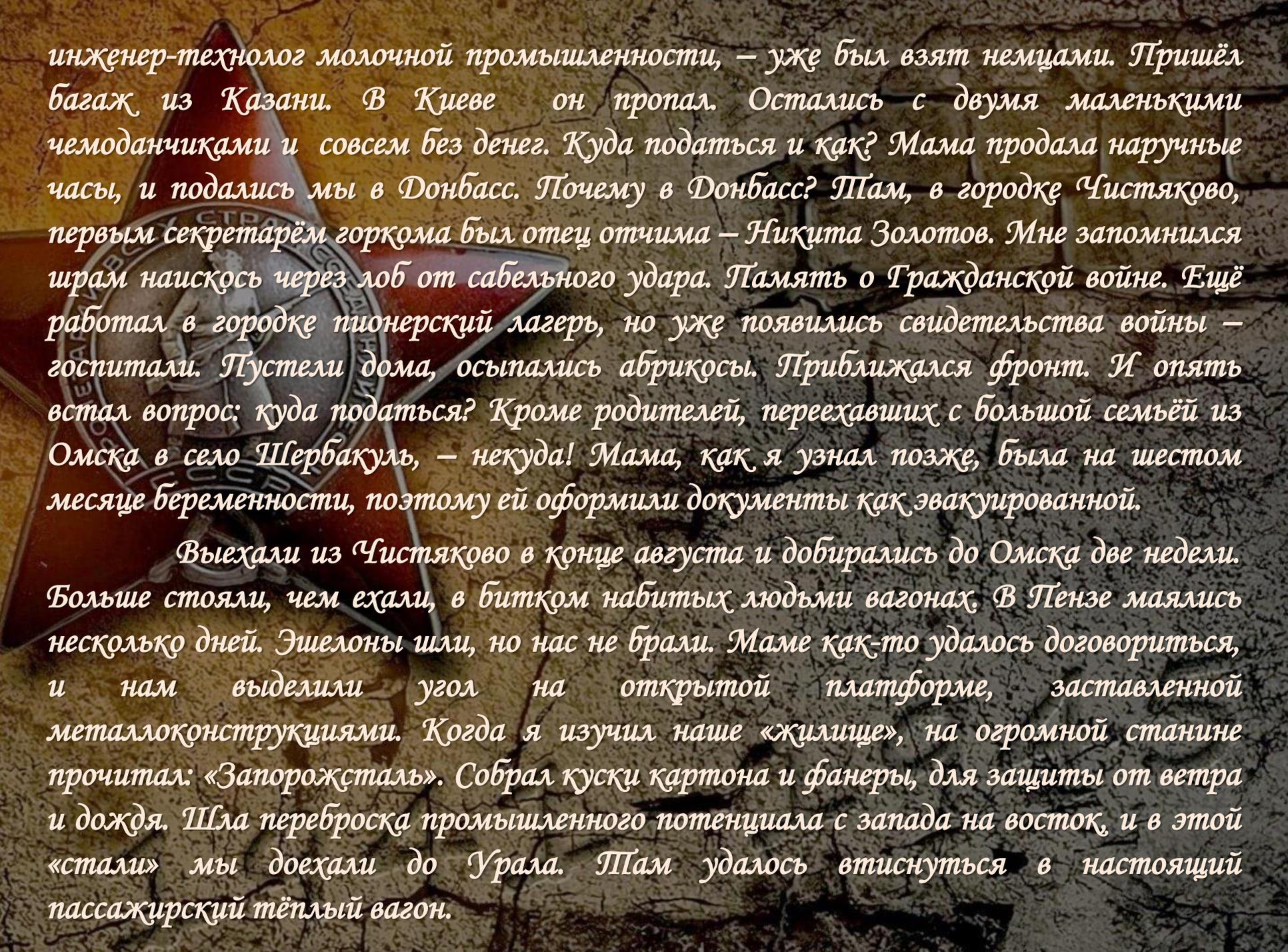
Полынь —
вкус моего детства

1937 г. Шербакуль
Владлену 6 лет

Родился я в семье служащих: Николая Ивановича Белкина и Ольги Ивановны Рай. Мой отец, уроженец Костромской области, преподавал агрохимию в Омском сельскохозяйственном институте, где училась моя мама.

22 июня 1941 г. Начало дня. Москва, Киевский вокзал. Я стою в очереди у кассы, где компостируют билеты. Мама ненадолго отлучилась, является с кулёчком мармелада — это сладкое. И горькой вестью: «Выступал по радио В.М. Молотов: гитлеровцы напали на нас, без объявления войны. Бомбят Киев. Что делать?» Назад дороги нет. Жилья нет. Отцима мобилизовали в первые дни войны. Едем в Киев. Остановились у женщины, учившейся с мамой в Омске. Меня тогда удивил непроходящий страх в её глазах. Она была еврейка и словно предвидела Бабий Яр. Во дворе уже вырыли «щель» — зигзагообразную траншею, куда жители прятались во время бомбёжки. Западно-украинский Луцк, куда маму, как члена партии, направили работать по своей специальности —

инженер-технолог молочной промышленности, – уже был взят немцами. Пришёл багаж из Казани. В Киеве он пропал. Остались с двумя маленькими чемоданчиками и совсем без денег. Куда податься и как? Мама продала наручные часы, и подались мы в Донбасс. Почему в Донбасс? Там, в городке Чистяково, первым секретарём горкома был отец отчима – Никита Золотов. Мне запомнился шрам наискось через лоб от сабельного удара. Память о Гражданской войне. Ещё работал в городке пионерский лагерь, но уже появились свидетельства войны – госпитали. Пустели дома, осыпались абрикосы. Приближался фронт. И опять встал вопрос: куда податься? Кроме родителей, переехавших с большой семьёй из Омска в село Шербакуль, – некуда! Мама, как я узнал позже, была на шестом месяце беременности, поэтому ей оформили документы как эвакуированной.

Выехали из Чистяково в конце августа и добирались до Омска две недели. Больше стояли, чем ехали, в битком набитых людьми вагонах. В Пензе маялись несколько дней. Эшелоны шли, но нас не брали. Маме как-то удалось договориться, и нам выделили угол на открытой платформе, заставленной металлоконструкциями. Когда я изучил наше «жилище», на огромной станине прочитал: «Запорожсталь». Собрал куски картона и фанеры, для защиты от ветра и дождя. Шла переброска промышленного потенциала с запада на восток, и в этой «стали» мы доехали до Урала. Там удалось втиснуться в настоящий пассажирский тёплый вагон.

Из Омска добирались до села Шербакуль. И вот мы снова дома. В Сибири. Большое дедово семейство, большая хата. У деда, колхозника, 75 соток огорода, хозяйство. Здесь, в этой хате, в этом большом селе (колхозов аж два) мы прожили 5 лет. Всю войну. Материала на роман хватит, но я вкратце обозначу то, что ближе к теме.

Когда мы поселились у деда, в хате повсюду стояли мешки с пшеницей. Год выдался урожайный, и трудодни обернулись изобилием. А дальше пошло снижение и количества, и качества. С тощим мешочком не поедешь на мельницу. И тогда вспомнили о жерновах. Кто-то был первым, но скоро по селу загрохотали эти древние, но забытые по ненужности изобретения. Дедушка тоже смастерил их. Я в этом активно ему помогал. А потом стал главным «мельником». Получаемые крохи в колхозе и зерно из собранных на полях колосков (нас никто не гонял) молот. Куда более мощным было второе изобретение.

В селе создали два колхоза. Земля в районе была хорошая. Механизация тоже не подводила. Но направление утвердилось зерновое, животноводство отставало. А маслозавод требовал молока. Дать же его могло только частное хозяйство. Были и покосы. Но проблема заключалась в том, что накрошенное сено надо было привезти. А на чём? И вот однажды утром мы увидели выезжающую из села самодельную тележку, в которую впрягли ... корову. Вскоре десятки разновидностей этого транспорта выезжали поутру из села. Назвали этот транспорт МУ-2, по аналогии с самолётом ПО-2, и он честно поработал в войну. Сибирской коровушке памятник за это надо поставить. У деда была нормальная телега. Ярмо я смастерил сам, и наше МУ-2 заработало... Оно привозило себе сено, нам дровишки, а фронту 260 литров молока.